

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

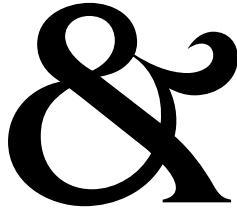

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

**Коварные
алмазы
Екатерины
Великой**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудря*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Коварные алмазы Екатерины Великой / Елена Арсеньева. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-97354-5

Это повторяется в каждом поколении: она и он, опоздавший родиться вовремя, встречаются друг друга и идут рука об руку сквозь град насмешек. Диана де Пуатье была старше Генриха II почти на двадцать лет, между Екатериной Великой и ее фаворитом Сашенькой Ланским три десятка, но что значат любые цифры там, где двое блистают рядом как настоящие бриллианты в короне? Да нет, куда там бриллиантам, ведь любой камень можно украсть, но как украдешь нежность, страсть, вместе пережитую вечернюю зарю?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е. А., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97354-5

Париж, наши дни

Часом позже Фанни не обратила бы на него никакого внимания. Часом позже она его просто не заметила бы в суете, которая начинается в Париже еще до рассвета и заканчивается лишь после полуночи. И здесь, на мосту Пон-Неф, скоро появятся автобусы, автомобили, пешеходы. С самого раннего утра на парижских мостах уже болтаются туристы. Они обожают парижские мосты, особенно Пон-Неф.

Впрочем, чего только не обожают эти самые туристы. Они вползают на Монмартр, пыхтя и отдуваясь на крутых улочках и почти вертикальных лестницах; слоняются в галереях Лувра; торчат на площади Конкорд, пытаясь обрызгать себя и других водой из фонтанов; топчутся под Эйфелевой башней, резко закидывая головы и рискуя переломить шеи; кружат возле Нотр-Дам, разглядывая горгулий-химер. Они не выпускают из рук карту и посреди Елисейских полей непременно пристанут к вам с просьбой указать, где здесь Мулен-Руж. На бульваре Клиши они ищут Вандомскую колонну, в Тюильри придирчиво вглядываются в статуи, пытаясь выяснить, не эта ли нагая мраморная дама — бронзовый памятник тому самому Анри IV? Хорошо хоть Эйфелеву башню все

находят самостоятельно — уж она-то в Париже видна практически отовсюду, особенно с мостов.

Ах да, вернемся на Пон-Неф.

Итак, часом позже Фанни его ни за что не заметила бы в этом укромном уголке. Как раз там, где пешеходная дорожка сворачивает с набережной Лувра на мост, стоят на парапете два чугунных фонаря. Между ними — изгиб каменной ограды моста и полукруглая каменная скамья. Вот уже почти год в любую погоду в шесть тридцать пять утра (ровно в шесть подъем, пятнадцать минут на торопливое умывание и одевание, двадцать минут трусой от ее дома на углу рю де ла Бурз и рю де Колонн) Фанни замирает рядом с этой каменной скамьей и кладет руку на парапет. Он серо-белый, в мутном свете раннего утра кажется мертвенным, изрыт раковинками — Фанни повторяет про себя, что они забиты не грязью, а пылью времен. Это слова Лорана, который на самом деле никакой не Лоран, это Фанни стала так его называть, чтобы не сломать язык на его невозможном варварском имени.

Они впервые встретились именно здесь, возле этой каменной скамьи, где сейчас стоял какой-то парень, перегнувшийся через парапет так низко, что Фанни видела только его туго обтянутый сизыми джинсами зад и ноги, казавшиеся чрезмерно длинными, потому что он приподнялся на цыпочках. Какое-то дурацкое мгновение Фанни верила, что это Лоран. Нет, конечно: незнакомец был слишком худым, слишком мелким. Слезы подкатили к глазам, потому что этот щедушный парень, нагло задравший свой зад над парапетом, занял ее святое место,

ее Мекку, куда она прибегала, словно смиренная паломница (если предположить, что паломницы, тем паче смиренные, способны бегать, а не брести, тащиться, влачиться или что они там делают на пути к святым местам), уже почти год в надежде вернуть невозвратимое.

Фанни и сама понимала, что надежда эта напрасна, однако ничего не могла с собой поделать. Отчего-то ей казалось, что если Лоран решит вернуться к ней, то однажды ранним утром явится сюда, на Пон-Неф, и станет поджидать ее, опершись на бело-серый мертвенный парапет и поглядывая то на набережную Лувра, откуда должна появиться Фанни, то на другой конец моста, где голуби еще дремлют на голове, плечах и чрезмерно широком кружевном жабо бронзового Анри IV (вот именно, памятник ему находится именно на Пон-Неф, и бессмысленно искать его в любом другом месте, будь это даже сад Тюильри).

Лоран придет сюда, потому что здесь, на этом самом месте, они с Фанни встретились год назад.

Таким же ранним февральским утром она стояла, низко перегнувшись через парапет, и смотрела на куклу, которую темно-зеленая вода Сены несла под мост. Кукла была роскошная — с распущенными темно-рыжими волосами и в длинном белом платье. У нее было ярко намалеванное лицо с наивным блаженным выражением, как будто ей страшно нравилось колыхаться в ледяной воде под бледным утренним полусветом, изливавшимся сквозь войлочные тучи. В этом зрелище плывущей куклы было нечто жуткое и в то же время завораживающее — до

такой степени, что Фанни не могла отвести взгляд от белой фигурки, которую течение затягивало все дальше и дальше под мост. И она наклонялась все ниже, провожая ее глазами, как будто для нее было страшно важно увидеть, как кукла скроется под мостом — наткнется на каменную опору или проскользнет мимо.

Итак, она наклонялась ниже и ниже, и вдруг ее кто-то ка-ак схватит сзади за бедра, ка-ак рванет назад! Фанни взвизгнула, обернулась, даже размахнулась, чтобы дать пощечину какому-то обнаглевшему клошару или мигранту (отчего-то она вообразила, что на такую наглость способен только непроставшийся клошар или мигрант, поднявшиеся с одной из многочисленных вентиляционных решеток, которые теперь все стали ночлежками клошаров и мигрантов). И увидела перед собой весьма тщательно одетого господина, который на дурном французском сказал:

— Извините, я испугался, что вы упадете прямо в реку.

На вид ему было лет сорок, а может, сорок пять. «Моложе меня», — привычно отметила Фанни и привычно огорчилась, что с некоторых пор все привлекательные мужчины вдруг сделались моложе ее. Он был среднего роста, с темными волосами и холодноватыми серыми глазами, со свежим румяным лицом и не то смущенной, не то дерзкой улыбкой.

Фанни мгновенно оценила элегантную куртку от *Varberg*, распахнутую слишком широко для столь сумрачного и раннего утра — с явным намерением продемонстрировать шеголеватый пуловер. Бог знает почему ей вспомнился ехидный диалог из Дюма-

пэра: «На нем все новое, он одет с иголочки. Вот именно, у этого господина такой вид, словно он впервые оделся!»

Фанни невольно улыбнулась и не выругалась незнакомцу в лицо (хотя могла и умела ругаться так, что столбенели даже мужчины), а сказала почти приветливо:

— Здесь довольно трудно упасть прямо в реку. Вот посмотрите: буквально на метр ниже парапета довольно широкий каменный выступ. Сначала свалишься на него и легко удержишься, если, конечно, ты не пьян и у тебя нет особого желания покончить с собой.

— А у вас такого желания нет? — спросил мужчина с оттенком недоверия.

Фанни неожиданно для самой себя ответила с пугающей откровенностью:

— Вообще-то и у меня возникает иногда такое желание, как у всякого нормального человека, полагаю. Правда, ко мне это желание приходит между четырьмя и пятью утра, когда я курю одна возле кухонного окна и с трудом удерживаю себя, чтобы не выкинуть во двор мой «Житан» и не броситься следом. Но сейчас-то уже седьмой час, время моих суицидальных помыслов позади.

— Скажите, — спросил мужчина на своем неуклюжем, но дерзком французском, — скажите, мадам, а что вас удерживает от того, чтобы не броситься вслед за сигаретой? Мысли о ваших детях, которым будет вас не хватать? О любимом мужчине? О родителях, которым нужна ваша забота?

Мгновение Фанни пристально смотрела на незнакомца, удивляясь жадному любопытству, которое

прозвучало в его голосе, а потом подумала: «Дело нечисто. Кажется, одними разговорами мы не ограничимся, ой нет».

— Скажите, — проговорила с той же серьезностью она и обхватила руками плечи, которые начало знобить (хоть Фанни и была одета в теплую фланелевую кофту Decatlon, но кофта годилась для бодрой утренней пробежки, а вовсе не для стояния над Сеной промозглым февральским утром, когда столбик термометра едва поднялся выше пяти градусов), — скажите, мсье, а что заставляет вас задавать мне такие странные вопросы? Вы психолог? Вы занимаетесь проблемой суицида и вам нужны примеры для научной работы?

Незнакомец помедлил, как бы мысленно переводя ее слова с французского на свой родной язык, и со смущенной улыбкой покачал головой.

— Или вы флик, который боится, что на его глазах может произойти такое нарушение закона республики, как самоубийство, и пытается предотвратить преступление?

Он снова помедлил, вникая в смысл ее слов, и опять покачал головой, и даже хмыкнул, подчеркивая нелепость такого предположения.

— Или вы... — Фанни заглянула в его серые глаза и обнаружила, что они вовсе не такие уж холодные, как ей сначала показалось, скорее серо-голубые, ясные — настолько ясные, что Фанни с легкостью смогла кое-что в них прочесть и решительно продолжила: — Или вы намерены таким образом выяснить, замужем ли я, сколько у меня детей и будет ли кто-то нам мешать, если я приглашу вас к себе?

Забавно было наблюдать за его лицом. Сначала незнакомец растерялся от неожиданности, потом нахальная улыбка тронула его четко прорисованные губы:

— Вы угадали, мадам. Я именно это хотел узнать. Видите ли, я только недавно прилетел в Париж, дела мои идут не так хорошо, как хотелось бы, и я чувствую себя невероятно одиноким...

Сначала он смотрел в глаза Фанни, а потом перевел взгляд на ее грудь. Тогда Фанни тоже перестала таращиться на его улыбочливое лицо и перевела глаза туда, куда ужасно хотят, но стесняются посмотреть все приличные женщины. А поскольку Фанни вовсе не считала себя приличной женщиной, она решительно посмотрела на ширинку его джинсов.

О-очень интересная открылась картина!

«Странный мужчина, — успела подумать она, чувствуя, как пересыхают губы, — может быть, ма-ньяк? Надо отправить его к черту!»

Лучше бы она так и поступила. Ведь они оба, Фанни и этот господин, станут сообщниками в убийстве, о чем, разумеется, сейчас даже не подозревают. Нет, своих рук они не обагрят. Но роли в предстоящей трагедии им предстоят отнюдь не второстепенные.

Увы, это был последний проблеск здравого смысла перед тем, как Фанни влюбилась в незнакомца — практически с первого взгляда.

Впрочем, она всегда влюблялась в своих мужчин с первого взгляда, в крайнем случае со второго —

открыв затуманенные глаза после секса (если секс был удачным).

Однако ничего подобного тому, что Фанни испытывала сейчас, с ней еще не происходило. Впрочем, она всегда пребывала в уверенности, что ничего подобного с ней еще не происходило. Новое платье — всегда лучшее, об этом знает каждая женщина.

Лоран, это и был Лоран... Все, в жизни Фанни его больше нет. Она потеряла его по собственной дурости, потеряла меньше чем через полгода после того, как обрела, после того, как поверила, что может наконец стать счастливой. С тех пор она каждый день продолжает прибегать на Пон-Неф, жадно отыскивает глазами широкоплечую фигуру, и темные волосы, и промельк улыбки в серо-голубых глазах, а не найдя, снова останавливается около каменной скамьи, смотрит на зеленую воду Сены (в Сене всегда зеленая вода, зимой и летом, весной и осенью, в дождь и в солнце) и думает, что настанет, наконец, день, когда она или дождется здесь Лорана, или перегнется через парапет слишком сильно, так что носки ее кроссовок оторвутся от мостовой, и Фанни потеряет равновесие, перевернется вниз, но не даст своему телу задержаться на спасительном выступе, а рухнет в темно-зеленую стынь Сены, которая сразу отнимет ее дыхание. А потом ее темно-рыжие волосы и бледное лицо сведут с ума раннего прохожего, к примеру, туриста, который будет тарашиться на нее с какого-нибудь другого моста, ниже по течению, и думать, есть, мол, что-то завораживающее в этой картине: утопленница в зеленых волнах...

Фанни передернула плечами, отгоняя утренний кошмар, еще раз взглянула на тщедушного наглеца

в сизых джинсах, который занял священное для нее место, и совсем было собралась бежать дальше, так и не исполнив неперемный утренний ритуал, как вдруг заметила, что парень слишком уж перегнулся через парапет. Носки его кроссовок почти оторвались от мостовой, он вот-вот рухнет вниз.

И он склоняется еще сильнее! Он с ума сошел!

***Нижний Новгород, за некоторое время
до описываемых событий***

Валерий Сергеевич Константинов умер в ночь на понедельник, 31 января, на четырнадцатом месте четвертого купе шестого вагона скорого поезда «Нижегородец» сообщением Нижний Новгород — Москва. Смерть Константинова на первый взгляд выглядела вполне естественной. Никаких следов насилия и прочего криминала: уснул человек и не проснулся. Тихая, милосердная смерть. Конечно, вроде рановато для пятидесятипятилетнего мужчины. С другой стороны, всякое бывает, и вообще, процент ранних смертей у мужчин куда выше, чем у женщин.

Однако работникам полиции по долгу службы положено предполагать криминал даже там, где его нет. Константинова, положим, могли отравить. Подозрительным, помимо всего, выглядело исчезновение попутчиков покойного.

В том, что на месте не оказалось двоих из них, как раз ничего подозрительного не было: они сошли на своей станции в половине шестого утра. Копии проездных документов у проводницы сохранились. Билеты ровно неделю назад приобрели супруги Ша-

поваловы, пенсионеры, решившие навестить внука, которому 31 января исполнялось восемнадцать. Конечно, вполне могло стать, что Шаповаловы нарочно подгадали поездку к тому времени, когда Валерий Константинов отправится по каким-то неизвестным делам в Москву, и совершеннолетие внука было не более чем попыткой обеспечить алиби, однако свои билеты они купили на два дня раньше, чем покойный Константинов. Купить билеты на два дня раньше и оказаться в одном купе с будущей жертвой — это устроить не так-то просто. Да, самое большее, на что Шаповаловы годились, — это быть свидетелями.

Настоящий интерес у дознавателей вызывала личность еще одного попутчика покойного Константинова — четвертого пассажира этого купе, ехавшего на шестнадцатом месте. Хотя бы потому, что эта самая личность оказалась неизвестна. То есть потом выяснилось, что билет на это место был продан некоему Ломакину А. Н. (номер паспорта такой-то, прописан в Нижнем Новгороде там-то). Учитывая, что Ломакин покупал билет почти одновременно с Константиновым и даже в одной кассе с ним, он вполне годился на роль подозреваемого. Однако вся странность состояла в том, что Ломакин на своем месте не ехал. Когда поезд отошел от вокзала и проводница начала проверять билеты, оказалось, что пассажир не явился к отправлению.

Такое бывает. Например, опоздал. Или передумал ехать, а билет сдать не успел. Или потерял билет. Или вообще в больницу попал, уже не до билета стало и не до Москвы. Да умер накануне поездки, в конце концов!

Проводница сообщила о наличии свободного места начальнику поезда, и тот решил осчастливить мужчину, который ворвался за несколько минут до отправления и принялся умолять начальника найти ему какую-нибудь полку.

Что ж, и это не редкость, особенно накануне понедельников. Начальники поездов пускают пассажиров даже на места 37 и 38, которые официально значатся местами отдыха проводников. Как оформляются в этом случае проездные документы, знает всякий, кто хоть раз попадал в такую ситуацию. Вот и сейчас начальник поезда, выписывая квитанцию, проставил только фамилию и инициалы пассажира: А. В. Ил..., но и фамилию почему-то не дописал и забыл о номере паспорта.

Оплошность, конечно, непростительная, необъяснимая, но ведь и на старуху бывает проруха. Хотя этот А. В. Ил... мог оказаться не причастен к внезапной смерти Константинова. Конечно, он не мог не заметить, что сосед слишком долго спит на своей четырнадцатой полке. Но мог и не заметить. Проводница вспомнила, что А. В. Ил... тоже заспался: она дважды входила в темное купе и громогласно напоминала, что через несколько минут Москва, а пассажиры все никак не вставали (старинная страшилка насчет скорого закрытия туалетов больше не действует, вагоны фирменных поездов снабжены теперь биотуалетами, которыми можно пользоваться когда и где угодно). Наконец А. В. Ил... сорвался с полки, приподнял штору, суматошно взгляделся в проплывающие за окном московские улицы, напялил джинсы и свитер, накинул куртку, нахлобучил шапку, выхватил из кармана отчаянно звонивший